

ЛИАНА ВЕЙЛ

ЗЛОДЕЙКА
ДЛЯ АЛЬФЫ.
МАМА ДЛЯ
ЕГО ВОЛЧАТ

Лиана Вейл

**Злодейка для альфы.
Мама для его волчат**

«Автор»

2026

Вейл Л.

Злодейка для альфы. Мама для его волчат / Л. Вейл — «Автор»,
2026

Я попала в тело суровой гувернантки. Теперь трое волчат боятся меня, а их отец — суровый Северный альфа — не подпускает меня к детям. Прежняя хозяйка этого тела заслужила ненависть. Но я не она. За запертой дверью плачет младший. Старший готов принять любое наказание за братьев. Средний не верит ни одному моему слову. Я привыкла помогать детям, только как помочь тем, для кого я являюсь врагом номер один? А скоро явится Совет, готовый разлучить волчат и забрать их из дома. Мне бы спасти себя. Вместо этого я остаюсь защищать чужую семью. И всё чаще ловлю на себе взгляд мужчины, который ещё недавно видел во мне врага. Его дети уже заняли моё сердце. Кажется, их отец тоже намерен в нём поселиться. Вот только полюбить его страшнее, чем признаться, кто я на самом деле. Однотомник. Счастливый финал.

© Вейл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ключ от холодной комнаты	5
Глава 2. Дом под снегом	11
Глава 3. Тетрадь без красных отметок	16
Глава 4. Три ветви на серебре	21
Глава 5. Не зовите его зверем	26
Глава 6. Первое слушание	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лиана Вейл

Злодейка для альфы. Мама для его волчат

Глава 1. Ключ от холодной комнаты

Ключ застрял в замке. Я повернула его ещё раз, и с той стороны двери кто-то перестал скрести по дереву.

От этого стало хуже, чем от скрежета. В узком коридоре пахло мокрой шерстью, угольной пылью и чем-то сладким, вроде лекарственной мази; по полу тянуло холодом из-под двери. За мутным оконцем высоко над моей головой темнела не то ночь, не то поздний зимний день. Я стояла босиком на каменных плитах, в чужом длинном платье, с разбитой губой и ключом, который вдавился зубцами в ладонь. Последним, что я помнила до этого коридора, был жёлтый свет у дверей детского отделения и собственный голос: «Не оставляйте Лёву одного, он боится закрытого пространства». Потом звякнуло стекло под ногой, земля ушла вбок — и всё. Я успела подумать о том, что опять не купила хлеба домой. Теперь о хлебе думать было поздно, а за дверью находился ребёнок. В этом я была уверена так же, как в том, что не могла оказаться здесь по собственной воле.

— Слышишь меня? — сказала я, наклонившись к замку. Голос вышел низковатый, с непривычной хрипотцой. — Я открываю. Отойди, пожалуйста, от двери.

Ответа не было. Ключ повернулся, когда я приподняла тяжёлую створку за железную ручку. Доски задели камень; я протиснулась внутрь и прежде всего ощутила запах яблок, давным-давно сгнивших в бочке. В кладовой стояли пустые ящики, а возле дальнего, у самой наружной стены, сидел мальчик. На вид ему было лет шесть. Весь маленький, тонкий, в белой рубашке, расстёгнутой у горла. Он обхватил колени, пряча лицо, и только светлые пряди торчали над локтями. Когда я шагнула ближе, из-под рубашки показалась тёмная полоска хвоста, нерешительно дёрнулась и замерла.

Я остановилась. Ребёнку, которого заперли в темноте, всё равно, какими словами взрослый объяснит свою доброту. Ему нужна открытая дверь и возможность решить, приближаться ли к ней.

— Я оставлю её открытой, — сказала я. — Меня зовут...

Сказать «Алиса» оказалось почему-то страшнее, чем увидеть хвост. Имя было моим, настоящим; от произнесённого вслух оно могло стать здесь лишним. Я не закончила фразу и услышала быстрые шаги в коридоре.

— Госпожа Ларен? — позвал женский голос. — Я думала, вы уже поднялись к себе.

Дородная женщина в тёмном платье с белыми манжетами остановилась у порога. В руках у неё был подсвечник. Она посмотрела сперва на меня, потом на мальчика; рука со свечой опустилась ниже.

— Вы же сказали, до утреннего колокола.

Мальчик поднял голову. Глаза у него были серые с янтарём вокруг зрачков; он смотрел не на меня, а на женщину. Увидев, что та не входит, он поспешно спрятал пальцы под колени. На запястье была тонкая цепочка из тусклого белого металла, стянутая слишком тесно: кожа по краям вздулась красным.

— Он давно здесь? — спросила я.

Женщина перевела взгляд на мои босые ноги. Мне стало ясно, что странной выгляжу и я сама, и мой вопрос.

— С ужина, госпожа. Вы велели не выпускать его, пока не перестанет принимать волчий облик за столом. Я возражала насчёт кладовой, но вы... — Она осеклась, потому что я уже присела перед мальчиком на расстоянии вытянутой руки.

Горло у меня стянуло. Я не знала, сколько часов прошло с ужина и кто отдал приказ голосом женщины, чьё лицо, наверное, носила теперь я. Но мальчику было холодно сейчас. Он дышал поверхностно, втягивая воздух носом с едва слышным посвистом. На кирпичном полу возле его ноги лежал надломленный сухарь.

— Я передумала, — сказала я женщине, не оборачиваясь. — Принесите одеяло и тёплую воду. И позовите лекаря, если он в доме. Как его зовут?

— Господин Освальд уехал в посёлок. Вернётся к ночи. — Женщина помолчала. — Мальчика зовут Тей, госпожа.

Я кивнула, как будто спрашивала только для порядка.

— Тей. Я трону тебя за руку, чтобы посмотреть на цепочку. Можно?

Он дёрнул плечом, спрятал руку ещё глубже и посмотрел на открытую дверь. Я отодвинулась так, чтобы не загораживать проход.

— Пока не хочешь — не надо. Идти сможешь сам? Одеяло принесут сюда.

Тей медленно встал. Его качнуло; одной ладонью он придержал ящик, другой закрыл запястье. Ростом он едва доставал мне до груди, но смотрел с таким вниманием, каким дети обычно следят за незнакомой собакой: не на лицо, а на плечи и руки, потому что именно оттуда начинается беда. Я поднялась первой, опять чуть отступила, и он прошёл к выходу, не задев меня платьем. На пороге его остановил слабый звон цепочки. Я почти не услышала звука, однако мальчик скривился, словно рядом с ухом провели ножом по тарелке.

— Госпожа Ларен, — тихо сказала женщина, — браслет сдерживающий. Если снять его без разрешения, он опять обратится. Вам самой потом...

— Как вас зовут?

Вопрос прозвучал грубо, хотя я старалась иначе. Она вскинула голову; в её лице мелькнуло упрямство.

— Ульма. Я служу в этом доме двадцать три года.

— Ульма, мы сейчас отведём Тея к огню. Про браслет поговорим там, где он не мёрзнет.

Она не двинулась. Я взяла у неё подсвечник, поставила свечу на широкий подоконник и протянула свободную руку мальчику — не к ладони, а рядом, чтобы он мог её взять или не взять. Тей прошёл мимо. Его маленькие босые ступни оставляли на камне сухие грязные следы. Ульма посмотрела на них и наконец пошла за одеялом.

Дом оказался длинным и чужим; собственные ноги, к моему неудобству, знали дорогу лучше меня. За двумя поворотами начиналась галерея с тёмными портретами. Сквозь окна было видно двор под снегом и высокую стену, за которой торчали чёрные верхушки елей. Под портретом женщины с двумя детьми горел одинокий камин. Тей остановился у его решётки, но не сел: он ждал разрешения, а я мучительно вспоминала, где могут держать кресло, чашку, хоть что-нибудь, что в нормальном доме не приходится выпрашивать.

— Здесь можно сесть, — сказала я, указывая на низкую скамью. — И у огня тоже можно. Только близко не придвигайся: сначала нужно согреть руки постепенно.

За спиной что-то щёлкнуло. Я обернулась и увидела на верхней площадке лестницы двух мальчиков. Старшему было лет одиннадцать, младшему — восемь или девять. Они стояли так близко друг к другу, что белая рука младшего почти исчезала в складках старшего сюртука. Старший держал прямую спину; пряди тёмных волос падали на глаза, и он не убирал их, чтобы не шевельнуться. Младший обхватил перила, перевесился через них и рассматривал открытую дверь кладовой в конце галереи. Оба были обуты, одеты аккуратно, даже чересчур аккуратно для детей перед сном.

— Тей, — окликнул старший.

Малыш поднял голову, и только тогда стало видно, как сильно он дрожит. Старший бежал по лестнице; младший за ним, не отставая ни на ступень. Я едва успела убрать ноги, прежде чем они оказались возле скамьи. Старший сперва взглянул на браслет. Затем на меня.

— Он ничего не разбил, — сказал он. — Я видел, это сделал Нокс. Если вы хотите наказать кого-то за ужин, накажите меня.

Младший резко втянул воздух, но не возразил. Мне не понравилось, как спокойно прозвучало «накажите меня», будто это было не предложение, а давно известный порядок. Я посмотрела на него ещё раз. Нокс, значит. Оба ждали, пока я решу, какую цену заплатят за открывшуюся дверь.

— За что именно? — спросила я.

Старший насторожился.

— За чашу с вареньем. За обращение в столовой. Вы сказали, Тей должен научиться вести себя за столом как человек.

При слове «человек» малыш натянул рукав на браслет. Нокс заметил это и встал так, чтобы закрыть брата от меня плечом, хотя был всего на голову выше его. Я прикусила язык до боли; губа и без того ныла. Надо было говорить ясно, но от каждой слишком быстрой попытки заверить их, что всё хорошо, в горле вставала фальшь. Всё было плохо. Дверь по-прежнему стояла открытой в конце галереи, мальчик по-прежнему носил металл, от которого ему больно, а лицо женщины, запершей его, было теперь у меня.

— Чашу можно вымыть, — сказала я. — Тея закрывать было нельзя. Я этого больше не сделаю.

Старший смотрел на меня долго, затем подал младшему руку, и тот тут же вцепился в его пальцы. Руки на браслете Тея он так и не коснулся.

Ульма принесла шерстяное одеяло и кружку тёплой воды. За ней шла девушка с подносом, на котором лежали хлеб и миска бульона. Ульма остановила её у двери, явно не желая выставлять слуг свидетелями происходящего, но Нокс уже увидел еду. Он отвернулся с такой старательной небрежностью, что я поняла: голоден тоже.

— Три миски, — попросила я девушку. — И ложки.

— Госпожа, кухню прибрали, — возразила Ульма. — Дети ужинали.

— Я не спросила, сколько они съели. Если бульона нет, принесите хлеб, сыр, что осталось. И позовите лекаря, когда вернётся.

Тея отпил из кружки. Я следила, чтобы он не проглотил всё сразу; губы у него были бледные, а руки слишком холодные. Ульма набросила одеяло ему на плечи, и он терпел прикосновение ровно столько, сколько требовалось, после чего забился под шерсть целиком. Старший остался возле него стоять.

— Ты Арден? — спросила я, рискнув предположить имя по мелькнувшему в голове обрывку: чернильная строка, три записи, старший — Арден. Он моргнул. — Я хочу, чтобы вы пока посидели вместе. Ульма, покажите мне, где хранятся ножницы с тонкими концами. И, пожалуйста, побудьте с ними до моего возвращения.

— Вы собираетесь срезать серебро? — Арден произнёс это так тихо, что Ульма едва ли слышала.

— Я хочу посмотреть, что там у него под браслетом. И спросить лекаря, как его безопасно снять.

— Он ничего не скажет, если вы рядом.

Ульма проводила меня наверх, а я успела рассмотреть в окне двор под первым снегом. На лестнице часы показывали половину девятого. Она заметила кровь на моей губе и сказала, что возле кладовой разбилась лампа: должно быть, я упала. Голова действительно болела. Какие-то вещи — собственное имя, детское отделение, где я работала, — помнились слишком отчёт-

ливо; какие-то, без которых здесь не прожить и дня, исчезли начисто. Я спросила, когда вернётся хозяин, и Ульма нахмурилась: северный альфа был в дозоре, ожидали его к ночи.

Комната гувернантки оказалась жаркой и аккуратной, без единой вещи, которую хотелось бы назвать любимой. В зеркале стояла светловолосая женщина с острым подбородком и моей разбитой губой. Ей было около тридцати. Алисе Савиной, которую принимали на работу в детское отделение по паспорту, исполнилось тридцать четыре. Я потрогала холодную раму, но отражение повторило мой жест и не стало понятнее. На столе лежала тетрадь с подписью «Мира Ларен». Под датами и именами детей она записывала не уроки, а проступки. «Арден препятствует воспитанию братьев». «Нокс лжёт и ворует». «Тей принимает звериный облик от волнения; холод и серебро дают лучший результат, чем разговоры». Последняя строка объясняла, отчего мальчики смотрели на меня с таким страхом. Она не объясняла, как я оказалась в теле женщины, способной её написать.

Я закрыла тетрадь. Снизу донёсся голос Нокса, сердитый, но уже не испуганный, и стук посуды. Вернувшись в галерею, я увидела, что все трое ели принесённый бульон. Тей держал ложку повреждённой рукой и морщился при каждом звоне браслета. Я попросила Ульму сразу позвать Освальда, когда тот вернётся, чтобы он осмотрел кожу и снял серебро. Арден следил, как я ставлю тетрадь на подоконник; я не стала прятать её. Нокс, прожёвывая хлеб, наконец рассказал, что у Тея показались уши, когда тот спросил за ужином, как держать ложку перед гостями. Мира сказала, что господин альфа не станет растить зверей в своём доме. Мальчик смутился ещё сильнее, а потом оказался в кладовой. Я не перебивала Нокса и не просила его поверить, будто прежняя гувернантка исчезла навсегда. Он всё равно услышал бы ложь раньше слов.

За окнами мелькнули фонари. Во дворе послышался ритмичный стук копыт, затем негромкая команда и скрип ворот. Ульма убрала с подноса пустые чашки, выпрямилась, будто вслед за ней поднялся весь дом.

— Господин альфа вернулся.

Арден едва заметно придвинул Тея к себе. Нокс взял брата за свободную руку. Они словно встали между отцом и мной на случай, если я расскажу свою версию вечера. Я встала, ощущая под голыми ступнями холод, и попросила Ульму не уводить детей, пока не придёт лекарь. Она посмотрела на меня с недоверием, но не успела ответить: внизу уже распахнулась входная дверь.

Мужчина вошёл в галерею без свиты, хотя за окнами ещё слышались голоса конюхов. На вороте его тёмного дорожного плаща белел снег. Он снял перчатки, на ходу передал их Ульме и только тогда увидел троих детей у камина. Лицо у него было усталое, с резкой складкой между бровей и неровным старым шрамом под правым ухом. От него пахло морозом, лошадью и каким-то хвойным дымом; странно, что я различила всё это с нескольких шагов. Арден поднялся, но отец уже посмотрел на Тея и остановился.

— Почему он не в постели?

— Его заперли после ужина в холодной кладовой, — сказала я, пока Ульма не успела выбрать более мягкое слово. — Я выпустила его около половины девятого. Раньше нужно было. На руке ограничитель, кожа под ним повреждена. Лекаря ждём.

Тей сжался под одеялом. Мужчина медленно повернул голову ко мне; я выдержала взгляд, хотя почувствовала себя возле края высоты. Не от красивой опасности, о которой можно читать с удовольствием, а от простой мысли, что у этого человека достаточно власти заставить меня отвечать за вечер, которого я не помнила.

— Кто его запер?

— По моему распоряжению, — сказала я. — Ульма исполнила его. Подробности есть в тетради.

— Кладовая? — Он произнёс слово негромко. Сыновья замерли, и он сразу заметил это; прикусил следующую фразу, отступил от меня и подошёл к скамье. — Тей. Я сяду рядом?

Мальчик не ответил, но чуть сдвинулся к Ардену. Отец сел на противоположный край скамьи, не забирая его из рук старшего. Тот держал лицо неподвижно, а между пальцев у него белела костяшка брата.

— Покажи мне руку, — попросил мужчина.

Тей приподнял край одеяла. Отец взял его ладонь так осторожно, что мне стало ещё тяжелее стоять у огня. Он разглядел красные полосы, ссадину у замка, тёмный налёт. Спросил, больно ли пальцам. Тей пошевелил ими; когда серебро едва звякнуло, отец быстро придержал цепочку двумя пальцами, чтобы та не ударилась о кожу снова. Нокс смотрел на эти пальцы, будто собирался проверить, не ошибутся ли они.

— Ограничитель должны были снять перед сном, — сказал мужчина. Он обращался не только ко мне. Ульма опустила глаза. — Арден, ты пытался попасть к брату?

— Ключ был у госпожи Ларен. Я просил вас позвать, но госпожа Ульма сказала, что вы вернётесь поздно и это пустяки.

Ульма открыла рот, закрыла его и кивнула. Лицо у неё стало землистым.

— Я виновата, господин. Мне следовало войти туда самой.

— Да, — ответил он. — Следовало.

Никакого грохота кулаком по столу. Он не стал обещать расправу в присутствии детей. Мне почему-то именно это заставило крепче вцепиться в спинку кресла. Его гнев не нужно было искать форму: он уже знал, что сделает, когда дети окажутся в безопасности.

— Я сам дождусь Освальда, — сказал он и наконец посмотрел на меня. — Госпожа Ларен, вы свободны от занятий с моими сыновьями. На сегодня и до моего отдельного распоряжения. Оставайтесь в своей комнате.

Тей отвернулся к огню. Арден не выглядел победителем; скорее он не поверил, что решение уже принято. Нокс уставился на меня, открыто ожидая, что я начну торговаться, жаловаться на их поведение или притворюсь оскорблённой. Я хотела сказать: «Я же открыла дверь». Хорошо, что не сказала. Человек, поджёгший дом, не становится героем оттого, что подал ведро.

— Я пойду, — сказала я. — До этого ответьте: Освальд знает, что браслет сегодня не снимали? Если он решит, что Тей носил его положенное время, осмотр может...

— Я скажу ему сам.

Он оборвал меня резко, но по делу. Я молча вышла из галереи. На лестнице пришлось остановиться: колени дрожали, а поручень оказался таким холодным, будто тоже стоял на улице. Снизу долетали голоса детей. Арден спросил, разрешат ли им остаться вместе этой ночью. Отец ответил, что да, и велел Ульме подготовить тёплую спальню с тремя кроватями. У него был низкий голос, почти без интонаций, и Тей отозвался на него коротким звуком, которого прежде от него не слышали ни я, ни, кажется, остальные.

В комнате я опять увидела туфли на полке и всё-таки поставила их к кровати. Пока искала тряпицу для разбитой губы, под тетрадью обнаружился сложенный вчетверо лист. На нём не было ни обращения, ни подписи: «Не позволяйте мальчикам спать вместе в ночь первого снега. Младшего держать отдельно. Отец должен увидеть последствия до приезда Совета». Последняя фраза была написана другой рукой; перо продавило бумагу так, что её можно было прочесть на обратной стороне пальцами. Я перечитала «отец должен увидеть» и посмотрела на снег за окном. Отправитель знал о возвращении Рагнара и рассчитывал на страх Тея. Я не знала, послушалась ли Мира письма или просто воспользовалась случаем. Вложила лист в конверт и оставила на виду.

Ульма принесла воду для разбитой губы. На мой вопрос о браслете ответила, что знала: перед сном его следовало снять. «Тогда почему не сняли?» Она долго поправляла фитиль

лампы, которому ничего не требовалось. Потом сказала, что после трёх сменившихся наставников боялась опять оставить мальчиков без учения и однажды уже слышала от Миры угрозу уехать, если прислуга начнёт вмешиваться. Я спросила, куда бы делись мальчики. Ульма вскинула глаза, но ответить не успела: снизу позвали лекаря. Мне хотелось сказать ей что-нибудь жестокое; я слишком ясно помнила, как сама держала у двери ключ.

Освальд прошёл к детям, не заходя ко мне. Сквозь пол я слышала голоса и вдруг короткий вскрик Тея. Дверь была открыта; я стояла посреди комнаты, пока не поняла, что у мальчика наконец снимают цепь и мне не нужно идти вниз, чтобы это проверить. Лекарь пришёл позже с потемневшим серебром на ладони. Он сказал, что кожа заживёт, если несколько дней не тревожить её, а потом осмотрел мою голову, проверил зрачки и попросил пройти вдоль ковра. Удар объяснял боль и отрывочные провалы в памяти, но, конечно, не объяснял Алису Савину. Я рассказала ему ровно столько, сколько могла подтвердить Ульма. Освальд велел немедленно позвать его при рвоте или сильной сонливости. Браслет он положил на стол: «Хозяин просил оставить его здесь до разговора с вами».

Позднее Рагнар вошёл в мою комнату с тетрадами в руках. На стол он положил снятую цепочку. Без детского запястья она казалась почти невесомой.

— Освальд говорит, вы ударились головой. Поэтому и открыли дверь?

— Из-за двери перестали доноситься звуки. Я испугалась за Тея.

— Прежде вы слышали его и оставляли там. — Он не повысил голоса. От спокойствия этих слов мне захотелось заслониться ладонью. Я могла рассказать невероятную правду: вечером в этом теле была не я. Но у детей осталась бы та же женщина с ключом, не нашедшая сил ответить за случившееся. — У вас есть ещё что сообщить?

Я протянула конверт. Рагнар прочёл лист не садясь. На последней строке поднял глаза.

— Почерк узнаете?

— Нет. Кто такой Совет?

— Сейчас не вы задаёте вопросы, госпожа Ларен. — Он сложил бумагу, но оставил её возле цепи. Потом добавил: — Через шесть дней они приедут проверять моих сыновей. Откуда взялся этот лист, выясню. И почему мои дети боялись позвать меня, тоже.

— Тетради не заставили вас усомниться во мне?

— Оставляли. — Он постучал пальцем по корешку верхней. — Я слишком редко бывал дома и верил этим страницам. До утра оставайтесь здесь. К мальчикам — только при Ульме или Освальде. Дорогу занесло; утром решу, как вас отправить и кто ответит за прежние записи.

Он уже взялся за ручку, когда заметил мои босые ноги.

— Наденьте обувь, госпожа Ларен. Мне завтра нужны ответы.

Серебряную цепь он оставил. На внутренней пластинке была крошечная метка трёх пересечённых ветвей; у застёжки темнел свежий припой. Я положила её на чистую салфетку. Одной царапины было мало, чтобы понять, кто приказал причинить ребёнку боль, зато утром можно будет показать её Освальду. Снизу доносились голоса мальчиков: Нокс о чём-то спорил, Арден ответил сквозь смех, а вслед за ними послышалось тихое, неуверенное тьяканье. Я подошла к двери и не открыла её. Сегодня они спали вместе. Завтра мне предстояло встретиться с ними без ключа в руке и без права требовать, чтобы они забыли, у кого он был.

Глава 2. Дом под снегом

Утром за моим окном стояла ель. Вчера её там почти не было видно: только чёрная ветка на фоне двора. За ночь дерево обросло снегом до самой верхушки, и теперь казалось, будто кто-то приставил к стеклу огромное белое перо. Я проснулась от того, что в комнате слишком тихо. На Земле после ночного дежурства мне обычно мешали заснуть машины под окном и соседский чайник, свистевший через стену. Здесь не шумело ничего, даже шагов в коридоре не было. Я долго лежала, прислушиваясь к собственной голове. Боль стала тупой, терпимой; ни тошноты, ни той тяжёлой сонливости, о которой предупреждал Освальд. Имя Алиса по-прежнему откликалось внутри без задержки. Остальное, к сожалению, тоже не исчезло вместе со сном.

Когда я встала, холодный пол сразу напомнил о вчерашнем замечании Рагнара. Туфли нашлись за ширмой. Я успела надеть одну, прежде чем увидела на столе серебряную цепочку и вспомнила, что собиралась показать её лекарю. Ночью при лампе мне почудился знак из трёх ветвей. При дневном свете он был на месте — неглубокая метка на внутренней стороне застёжки, рядом с неровной полоской припоя. Я завернула цепочку в салфетку, оставив узел свободным, чтобы не тереть звенья друг о друга. Следовательно из меня было бы мало толку; до вчерашнего дня я вообще не знала, что подобные вещи надевают на детей. Но Освальд знал. Если браслет меняли, он мог сказать хотя бы это.

За дверью скрипнула половица. Я открыла не сразу, вспомнив приказ не подходить к мальчикам без Ульмы или лекаря. На площадке стояла девушка, которая вечером приносила бульон. Она держала поднос с кашей, хлебом и маленьким глиняным кувшином; над кувшином поднимался пар. Увидев меня одетой, она удивилась и едва не выронила ложку.

— Я постучать собиралась, госпожа.

— У тебя руки заняты. Входи. Как тебя зовут?

— Энна. — Она поставила поднос на край стола, но не отпустила его сразу. — Госпожа Ульма велела сказать, что внизу работы много. Господин Освальд зайдёт после завтрака. Вам пока оставаться здесь.

Энна не добавила «по распоряжению хозяина». Вероятно, все в доме и без того знали, откуда берутся распоряжения. Я взяла кувшин за тёплую ручку, чтобы ей больше не приходилось стоять надо мной.

— Как Тей спал?

— Просыпался. Потом его взяли к братьям, он и уснул. — Энна улыбнулась краем рта, но, заметив, что я смотрю, снова сделалась серьёзной. — Утром позавтракал. Господин альфа был с ними.

— Это хорошо. Спасибо, Энна.

Её поразило «спасибо» больше, чем вчерашний приказ принести три миски. Она вышла, оставив дверь прикрытой без щелчка. Я ела кашу стоя, разглядывая сквозь стекло двор. По узкой дорожке шли двое мужчин с лопатами. За воротами в сугробе торчало колесо экипажа; само корыто почти исчезло под снегом. Ни одного заметного пути к посёлку не было. Рагнар собирался утром решить, как меня отправить, но зима решила по-своему. Если дороге понадобится день или два, я проведу их в комнате женщины, из которой меня выдворяют. Мысль об этом была неприятна, однако я не стала воображать благодарное спасение: дети жили этажом ниже, а я оставалась частью того, от чего их теперь охраняли.

Освальд явился, когда я допивала тёплое молоко из кувшина. Он нёс свои инструменты в мягкой кожаной сумке, с которой, похоже, никогда не расставался. Вместо приветствия спросил, рвало ли меня ночью, виделись ли пятна перед глазами и помню ли я наш вчерашний разговор. Я ответила на все три вопроса, потом прошла по комнате, повернулась у шкафа и не

потеряла равновесия. Лекарь смотрел на меня без доброжелательства и без той подозрительности, от которой хотелось защищаться; ему важнее было, не падаю ли я, чем почему внезапно научилась беспокоиться о ребёнке.

— К полудню голова может снова разболеться, — сказал он. — Не сидите над мелкой записью часами. Если слух или зрение изменятся, позовите меня. Я сообщу господину Вейру, что опасных признаков пока нет.

— Тей? — спросила я, хотя Энна уже ответила.

Освальд закрыл сумку. На его манжете было маленькое жёлтое пятно мази.

— Температура нормальная. Повреждение поверхностное, но цепь натёрла кожу. Я велел оставлять руку свободной и чистой. Он опасается, что стоит заснуть отдельно от братьев — его снова уведут. Господин Вейр распорядился поставить кровати рядом. — Лекарь взглянул на меня. — Ребёнок испугался вас даже тогда, когда вы выпустили его. Это не пройдёт за одну ночь.

— Я понимаю.

— Возможно, пока только умом. — Он произнёс это без злобы. — Вчера вы спросили у него разрешения посмотреть браслет. Прежде не спрашивали. Вот он и ждал, когда вы перестанете притворяться.

Я не стала спорить. Он не обязан был замечать перемену, которую невозможно объяснить. Развернула салфетку и показала цепочку. Освальд положил под неё лист бумаги, не касаясь звеньев голыми пальцами. Сначала осмотрел потёртую сторону, потом попросил поднести вещь к окну. Отражённый свет выхватил метку.

— Вы знаете эту мастерскую? — спросила я.

— На лечебных ограничителях ставят печать лечебницы и дату настройки. Здесь нет ни того ни другого. Может быть, кто-то заменил застёжку, когда старую сломали. Я не заказывал замены. — Он опустил цепь на бумагу. — Кто и когда принёс её в дом, должен помнить управляющий. Я попрошу книгу выдачи. Пока ничего не чистите и не чините.

Вчера Ульма сказала, что браслет привезли после осеннего приступа. Я рассказала об этом, а Освальд пояснил разницу, которую прежде не могла знать: после тяжёлого приступа обращения короткий ограничитель помогал не пораниться, пока возвращалась ясность. Ему не полагалось висеть на руке за испуг или невежливый вопрос. Лекарь прикрыл салфеткой цепь; я заметила, что он не торопится обещать раскрыть её происхождение. Запись о поставке могла оказаться самой обычной ошибкой. Даже если браслет кто-то переделал намеренно, вчерашняя кладовая была на совести людей в этом доме, а не на совести куска серебра.

— Могу ли я что-то сделать, пока дорогу чистят? — спросила я.

Освальд поднял брови.

— Вы и так заставили нас всех переделывать половину ночных распоряжений.

— Я не о детях. Ульма сказала, работы много. У меня есть руки, а сидеть здесь и ждать приказа трудно.

— Поговорите с хозяином. Я не нанимал вас и не увольнял.

Он забрал цепочку, запечатав бумагу своей личной печатью. Я попросила дать мне записку о том, что передала её целиком, с повреждённой застёжкой. Освальд взглянул на меня внимательнее, затем вырвал лист из своего блокнота и коротко записал время, состояние звеньев и свою подпись. Так свидетельствовали о вещах, а не о намерениях. Записку с тремя ветвями уже забрал Рагнар; теперь и у цепи было место, куда её можно будет найти, если понадобятся ответы.

К полудню дверь моей комнаты открывалась ещё дважды: Энна забрала посуду, Ульма принесла чистую рубашку и сообщила, что дети едят внизу. Ни одна не предлагала мне выйти. Когда во дворе подняли экипаж, люди обнаружили под снегом сломанную ось. Рагнар сам вышел на крыльцо, нагнулся к колесу, потом отправил двоих к конюшне. Я видела только куски

происходящего между ветвями ели. Он сам возился со сломанной осью, пока конюхи держали колесо. Я отошла от окна, когда он поднял голову.

После обеда Ульма постучала и объявила, что хозяин ждёт в рабочем кабинете. Я обулась, спрятала расписку Освальда в карман и спустилась за ней. По дороге мы миновали детскую: дверь была приоткрыта, но я не заглянула. Из комнаты слышался скрип пера и терпеливый голос Рагнара, который по слогам диктовал кому-то название перевала. Нокс перебил его, поправил ударение, Арден негромко фыркнул. В ответ отец сказал: «Хорошо, тогда диктуй ты». В детской на миг стало так тихо, будто каждому пришлось проверить, серьёзен ли он. Я задержала шаг, но Ульма уже подошла к лестнице, и я пошла дальше.

В кабинете пахло мокрой кожей и сушёным можжевельником. На широком столе лежали мои тетради, ночная записка и раскрытый журнал хозяйственных расходов. Рагнар стоял возле окна, держа письмо без конверта. Увидев меня, он отложил его, но не спрятал бумаги: судя по тому, как были разложены страницы, он собирался задавать вопросы, а не устраивать допрос с неожиданной уликой.

— Освальд осмотрел вас. Ехать по перевалу сегодня нельзя. Через нижнюю дорогу тоже не проехать, мост занесло. Я вызвал гувернантку из Дрена, но её экипаж доберётся сюда не раньше чем послезавтра, если расчистят путь. До того вы остаётесь в комнате и на занятия не приходите.

— Я слышала. Но детей у вас трое, а Ульма с утра не успевает даже поесть. Могу сортировать книги, бельё или старые задания под её надзором. Без разговоров с мальчиками.

— Вчера вы держали ключ от кладовой. Сегодня предлагаете складывать рубашки. Это должно меня убедить?

— Нет. Чистые рубашки нужны им и тогда, когда вы мне не верите.

Он обошёл стол и остановился напротив. Вблизи на правой руке у него обнаружился ободок обветренной кожи под перчаткой; пальцы были исцарапаны, совсем не похожи на холёные руки с портретов в галерее. Я не стала переводить взгляд на его лицо и ждать, каким тоном он продолжит. Вместо этого смотрела на раскрытую книгу: на странице напротив моего имени стояли расходы на бумагу, два месяца подряд одинаковые, и отдельная строчка «учебные пособия». Я помнила, как много в детской было исписанных листов. Пособия, по крайней мере, можно было привести в порядок.

— Мои люди справятся, — сказал Рагнар. — А я хочу знать другое. Почему в ночь перед моим возвращением вы решили держать младшего в холоде до утра? Раньше в отчётах было много наказаний, но такой меры вы не упоминали.

— Я не помню, как принимала решение. Ульма слышала приказ. В тетради записаны прежние наказания, значит, те слова не свалились с неба. — Я проговорила это, чувствуя, как у языка пересохло основание. — После падения возле кладовой у меня пропали куски вечера. Освальд знает. Верить мне по этому поводу вам незачем; спросите у тех, кто был за столом.

Рагнар уже спросил. Это стало ясно по его лицу: он не ждал, что я сама предложу сверить слова с детьми. Однако я зря надеялась, что предложение хоть немного меня оправдает. Он провёл пальцем по тетради, открытой на записи о Ноксе.

— Я спрашивал. Арден думал, если признается, что подал брату ложку, вы запрёте и его. Нокс утверждает, что разбил чашу нарочно, чтобы отвлечь вас. Дома никто не решился остановить вас, потому что верил: я одобрю строгость. — Рагнар произнёс последние слова с таким отвращением, словно попробовал испорченную воду. — Понимаете, о чём я спрашиваю? Не о вчерашней лампе. Как я мог четыре месяца читать это и считать порядком?

Я могла бы ответить, что он смотрел на страницы и не смотрел на сыновей. Слова уже стояли у меня в горле; удержала их не жалость к альфе, а ощущение, что слишком легко наставлять человека на путь с высоты прожитого мной одного дня. Я видела детей за ужином после

кладовой, но не знала, что происходило с ними в прошлом году. Если Рагнар спрашивал себя всерьёз, ему придётся получить ответ от них, а не от женщины, похожей на Миру.

— Спросите Ардена, — сказала я. — Только не как свидетеля в деле против меня. Спросите, когда он впервые перестал звать вас, если что-то случилось.

Рагнар отвёл взгляд к окну. Внизу кто-то громко ругался на колесо; звук не достигал комнаты целиком, зато пауза после него тянулась мучительно долго. Он наконец указал на письмо, которое отложил при моём входе. Там было сухое распоряжение Совета: к проверке наследников требовалось подготовить отчёты за осень и записи об их обращениях. Слова были понятны, последствия — пока нет. Я спросила, на каком основании Совет может проверять детей живого отца. Рагнар не рассердился, хотя вопрос, должно быть, задевал самое больное.

— Если сочтут, что я не обеспечил им надзора во время службы, могут назначить внешнего воспитателя с правом вывоза. Сначала на время. Потом для каждого наследника решат отдельно. — Он не стал смотреть на меня, произнося это. — Я не собираюсь отдавать им своих сыновей из-за чужой записки. Но и утверждать, что записка ни при чём, пока не выяснил, кто её принёс, не стану.

— Ульма помнит, кто получал браслет? Освальд сказал, лечебная печать на нём отсутствует.

— Я проверяю. В доме есть управляющий, который принимает поставки. Сейчас он у склада; вернётся, когда разберут ворота. — Рагнар передвинул журнал так, чтобы я не могла видеть имена. — Ваше дело пока не расследовать. Я разрешу вам сортировать учебные книги в северной комнате. Ульма будет рядом. К сыновьям не подходить без неё или Освальда, а если они сами войдут — не распоряжаться ими. Ясно?

— Да. И если мне станет хуже после удара, я прекращу работу и зову врача.

Он посмотрел так, словно эта оговорка застала его врасплох. Вероятно, Мира считала бы приступ слабости личным поражением и скрыла его. Я уже знала, как заканчивается дежурство, когда человек не признаёт, что у него дрожат руки: ошибкой на чужом теле. Ничего героического в обмороке среди детских книг не было.

Ульма привела меня в северную комнату после заката. Здесь не пахло духами Миры; стены были побелены, печь топили берёзой. На полу стояли ящики с учебниками, ворохи зимних рубашек и кожаные футляры для дощечек, которыми дети занимались письмом. Ульма пересчитала стопки, выдала мне чистую бумагу и села у стола штопать воротник. Доверия во всём этом не было — лишь работа, которую можно проверить. Я разобрала ящики по возрастам, отметила книги, где не хватало страниц, и на полях списка указала, что у младшего из трёх футляров сломана застёжка. До сих пор я знала о Тее только его страх и боль; вдруг в руках оказался мир, где ему требовалась новая застёжка на обычной школьной вещи. Это удивило меня больше, чем хвост под рубашкой.

— Не трогайте его тетрадь, — сказала Ульма, заметив, на какую стопку я смотрю. — Он рисует там вместо слов. Прошлая госпожа хотела изъять её, но мальчики спрятали.

— Тогда почему тетрадь здесь?

Ульма отложила иглу.

— Арден принёс утром сам. Сказал: если уж будут проверять учение, пусть отец увидит и это. Не знаю, что он передумал.

Я не раскрыла тетрадь. Передавать её отцу было бы правильно, но смотреть в неё до него — совсем другое дело. Мы пробыли в комнате ещё час. Ульма то и дело вставала помочь Энне, а я всякий раз оставалась возле стола, чтобы не оказаться ненароком в коридоре одна с мальчиками. Дважды там слышались быстрые шаги. Один раз кто-то остановился за дверью и прошептал: «Она правда книжки считает?» Ульма не оглянулась, но уголок её рта на секунду дрогнул. Я сделала вид, что занята счётом, хотя давно потеряла номер стопки.

Перед самым ужином явился молодой конюх с новостями о дороге. За воротами снег сдвинулся со склона, завалив поворот, где экипаж должен был развернуться. Люди расчищали путь, но вывезти кого-либо до утра не получится; за новой гувернанткой отправили всадника, и тот вернётся не раньше двух дней. Рагнар вошёл за ним, взял список из моих рук и просмотрел, не комментируя почерк. У двери детской Арден держал младшего за плечи, Нокс делал вид, будто ищет перчатку. Никто из троих не приблизился к северной комнате. Тей всё же увидел свою тетрадь на верхней стопке и застыл. Я, не поднимая её, сказала Ульме, что её нужно передать владельцу вместе с остальными вещами. Та кивнула мальчикам: можно забрать. Нокс подхватил тетрадь быстрее всех, но отдал Тею только после того, как Арден взял у него выскользнувший из кармана ключ. Я не разобрала, от какой двери он был.

Рагнар заметил обмен. Он не приказал Ноксу вывернуть карманы при мне, только позвал всех троих ужинать. Когда они ушли, он вернул мне список и сказал, что книги разобраны верно. Ульма ждала продолжения; его не последовало. Я тоже не стала объяснять, сколько труда стоило мне не попросить у Тея показать рисунки. Мы получили за день достаточно маленьких разрешений, чтобы завтра каждое из них пришлось заслуживать снова.

Глава 3. Тетрадь без красных отметок

Ключ нашёлся прежде, чем я узнала, от какой он двери. Ульма подняла его с подоконника в северной комнате, где накануне я разбирала книги, повертела в пальцах и заметила на головке тонкую царапину. Так метили шкаф с бумагой для уроков. Вчера Арден отнял этот ключ у Нокса на глазах у отца, но до крючка в коридоре он не добрался. Теперь ключ лежал среди вещей, которые перебирала я. Ульма сдержанно сообщила, что пропал не один: на связке не хватало ещё двух, от бельевого шкафа и от комнаты с дощечками. Саму связку она вечером оставила в ящике своего стола, а утром нашла ящик открытым.

— Есть дубликаты? — спросила я.

— У господина Вейра. Но не все. — Она положила найденный ключ отдельно от книг. — Я не хотела говорить при мальчиках, пока не пересчитала.

— А почему говорите мне?

— Потому что на столе это ваше вчерашнее место. Я должна спросить, как ключ сюда попал.

Я вспомнила Нокса у детской двери, его карман, руку Ардена. Рассказала всё, что видела, и назвала предел: после того как Арден забрал ключ, я не следила ни за одним из них. Ульма выслушала, взяла лист для записи и попросила повторить ещё раз, дословно. Я понимала, зачем она это делает. В доме только начинали учиться тому, что порядок строится не на уверенности взрослого, а на проверке. Первой под проверку попала я, и это было справедливо.

На рассвете хозяин получил ответ от женщины, которую хотел пригласить взамен Миры. Из-за снега она отложила выезд на два дня; если расчистят перевал, доберётся сюда за день до прибытия Совета. Рагнар пришёл в северную комнату с мокрой от растаявшего снега запиской, встретил мой взгляд на ключе и сразу понял, что разговор будет длиннее. Он сам помнил вчерашнюю руку Ардена; о двух других ключах ничего не знал. Пока Ульма перечисляла запоры, Рагнар достал из кармана собственную связку и проверил замки шкафа с лекарствами и наружных дверей. Они были на месте. Облегчение на его лице длилось не больше вдоха.

— Из детской ничего запирается не будет, — сказал он. — Это я уже объявил мальчикам. Зачем им ключи от тетрадей?

— Может быть, они ещё не поверили объявлению, — ответила я.

Он посмотрел на меня так, как смотрел вчера, когда я предложила складывать рубашки: будто я слишком ловко превращаю всякую неприятность в разговор о детских чувствах. Не исключено, что на его месте я подумала бы то же. Пропавшие ключи нужно было найти. До сих пор мои предположения никому не помогали с этим делом.

— Я не прошу их оставить детям. Сегодня утром Ульма будет со мной. Если вы разрешите провести урок, я узнаю, что случилось, не вытаскивая у них из-под подушек всё подряд.

— Урок? — Он указал на тетрадь Миры, оставленную им на полке как улику. — После вчерашнего вы полагаете, они захотят учиться у вас?

— Нет. И я не знаю, сумею ли удержать их в комнате. Но они придут, если вы их об этом попросите и останетесь поблизости. Пусть это будет сорок минут. Ульма сидит рядом, дверь не запирается, никто не носит серебро. Если кому-то станет плохо или я сорвусь, вы прекращаете занятие.

Последнее слово застряло в горле. «Сорвусь» не было о моей привычке: Алиса Савина никогда не ставила детей в холодную кладовую. Но женщина, чьи руки разложили на столе книги, делала это прежде. Требовать, чтобы мне поверили на основании тайной разницы между нами, было бы опять удобно только мне. Рагнар выслушал условия, попросил Освальда проверить запястье Тея перед началом и согласился на одно занятие. «Одно» он произнёс так, чтобы не осталось места для будущих обид, если второго не будет.

Арден вошёл первым. Он остановился возле двери и провёл пальцем по защёлке: та была отодвинута. Нокс проскользнул следом, сразу заметил одинокий ключ на столе у Ульмы и постарался не смотреть на него ещё раз. Тей принёс свою тетрадь, прижимая её здоровой рукой к груди; на повреждённом запястье была чистая повязка. Вчера он почти не издавал звуков, сегодня успел тихо возразить Ноксу, когда тот задел его плечом. Ни один из троих не поздоровался со мной, и я не стала требовать приветствия ради красивого начала урока.

— Я принесла карту перевала, — сказала я, развернув на столе лист, который Ульма помогла мне найти среди учебников. — На ней есть дорога к Дрену и та, которой вчера не смог проехать экипаж. Я её не знаю. Вы знаете лучше. Мне нужны трое проводников, чтобы не отправить человека прямо в овраг.

Нокс посмотрел на Ардена: не слишком ли легко будет испортить работу женщины, которая сама призналась в незнании? Старший не ответил. Он занял место у дальнего края стола, где удобнее было видеть братьев, и осторожно подвинул к себе карандаш. Тей остался стоять. Я указала на свободные стулья; он сел рядом с Арденом, так и не положив тетрадь на стол. Ульма устроилась у окна со своим шитьём. Дверь оставалась открытой, и в ней время от времени мелькала тень человека из хозяйских комнат. Рагнар исполнял условие «поблизости», не превращая каждую детскую реплику в экзамен перед отцом.

Карта была старой. Реку нарисовали слишком широкой, две дороги исчезали в пятне от чернил. Нокс первым ткнул карандашом в перевал и сказал, что колёса вязнут не там, где отметили возчики, а у маленького моста южнее. Арден поправил его: сейчас на мосту лежит наст, но по весне водой снесло половину досок. Они заспорили, употребляя названия мест, о которых я никогда не слышала. Это было полезнее любого моего вступления. Я попросила их нарисовать проезжую зимнюю дорогу поверх старой. Нокс сделал большой крюк через кузницу; Арден возразил, что к кузнице нельзя посылать лошадь в мороз без отдыха. В итоге они нашли место для конюшни на полпути и поставили возле него жирный крестик. Только Тей не двигал карандашом.

— Тебе можно рисовать, — сказала я ему. — И в своей тетради тоже. Карту мы всё равно переделаем.

Он повернул лист так, чтобы мне не было видно, что на нём написано. Я не наклонялась через его плечо. Нокс, заметив мой взгляд, перестал спорить с братом и положил ладонь на край тетради Тея. Арден в это время на полях карты выписывал четыре названия, явно стараясь заслужить не похвалу, а возможность закончить занятие без происшествий.

— Вчера я нашла книги с вырванными страницами, — сказала я, возвращаясь к линии дороги. — Некоторые можно переплести. Пока школьный шкаф открыт запасным ключом Ульмы. Если у вас остались те, что сняли со связки, положите их на этот поднос до обеда. Я не буду обыскивать ваши вещи.

Ульма перестала шить. В комнате стало слышно, как в печи осыпался уголёк. Нокс встретился со мной глазами и первым отвёл взгляд, будто я поймала его на чём-то совсем не том, о чём говорила. Арден положил карандаш. Тей прижал тетрадь к коленям.

— Я их взял, — сказал Арден. — Если нужно кого-то наказать, накажите меня. Нокс тут ни при чём.

— Ты же вчера... — начал Нокс и замолчал, когда старший повернул к нему голову. На лице у Ардена появилось то взрослое выражение, с которым он вчера предлагал принять наказание за разбитую чашу. Я не знала, защищает ли он брата или действительно забрал ключи; оба могли говорить правду о разных минутах одного вечера. Ульма положила шитьё и ждала моего решения. Её обязанность была остановить занятие при угрозе детям, а не додумывать за меня ответ.

— Я слышала тебя, Арден. Но не стану назначать виновного, пока не узнаю, где ключи сейчас. — Я обратилась к обоим. — Два нужны Ульме для работы. Если они здесь, положите

на поднос. Если оставили в другом месте, скажите, где искать. К обеду шкафы надо открыть; если ключи не вернутся, мы возьмём запасные у отца, а он узнает, что произошло. Я не могу обещать скрыть пропажу от человека, которому принадлежат замки.

— А если я скажу, что потерял их в снегу? — спросил Нокс.

— Тогда будем искать в снегу. Замки не станут от этого безопаснее.

Арден прикусил губу. Его готовность взять вину наткнулась на практическую неприятность: нельзя отбыть наказание вместо ключа, который нужен кладовщице. Нокс медленно вытянул из кармана маленькое медное кольцо, совершенно пустое, и положил рядом с подносом.

— На нём висели все три. Один Арден вчера достал и положил к вашим книгам. Остальные я сам спрятал. Не в снегу.

— Где? — спросила Ульма.

— В таком месте, где их не найдут, если начнут шарить у меня под матрасом.

Он не смотрел на неё. После секундной паузы я поняла, что говорит он мне — той, прежней, которая именно так и поступила бы. Я ощущала желание доказать, что не стану. Его можно было осуществить только одним способом: действительно не сделать этого, даже если откажется признаться.

— Хорошо, — сказала я. — Матрас не трогаем. Ключи нужны до обеда. Я попросила показать карту за сорок минут; у нас осталось двадцать. Продолжим, если хотите.

— Очень щедро, — буркнул Нокс. — Будто вы позволите нам уйти.

— Дверь открыта. Только скажите Ульме, куда идёте. Я отвечаю за вас в этой комнате, а не за весь дом.

Он вскочил и уже был у порога, когда Рагнар появился в коридоре с папкой под мышкой. Нокс замер перед ним так резко, что отец едва не наступил мальчику на ногу. Рагнар не вошёл и не спросил, почему урок прервался. Он поставил папку на подоконник в коридоре, посмотрел на сына и сказал:

— Ты свободен выйти. Я пойду к кузнице после обеда. Можешь показать, какой дорогой она отмечена у вас.

Нокс не повернул головы к карте. Он глядел на сапоги отца, мокрые по швам от снега, потом на свою пустую ладонь. «Не хочу», — ответил он слишком быстро и выбежал мимо. В нём было столько злости, сколько помещается в девятилетнем человеке, которому взрослые сперва не оставляют выбора, а затем внезапно дают его при свидетелях. Арден хотел пойти за братом. Рагнар придержал дверь и спросил, нужна ли ему помощь, не приказал оставаться. Арден помедлил и вернулся к карте; Тей сполз со стула, чтобы сесть ближе к нему.

— Плохое занятие? — спросил Рагнар у Ульмы, когда мальчики снова склонились над листом.

— Пока никто не заплакал и никто не потерялся, — сказала та. — Остальное выясним к обеду.

Я удержалась от попытки расшифровать их разговор за детей. Рагнар заглянул в карту, увидел зачёркнутую дорогу и улыбнулся сыновьям почти незаметно, одним изменившимся взглядом. Арден не поднял головы, но карандаш у него пошёл по бумаге увереннее. Внизу Энна позвала к столу. Тей наконец положил свою тетрадь рядом с картой: на открытой странице стояли три маленькие отметки у нарисованной печи. Я не стала спрашивать, что они значат. Возможно, это были три мальчика. Возможно, просто дрова.

После обеда пропавшие ключи не появились. Ульма молча взяла у Рагнара запасные и открыла бельевой шкаф; отец всё узнал без доноса и без сцены. Из северной комнаты я услы-

шала, как он спрашивает Ардена, зачем тот опять взял на себя чужую вину. Старший ответил невнятно. Тогда Рагнар сказал нечто, чего я не разобрала, и дверь детской закрылась. Было бы удобно считать, что утром я поставила правильное условие, а дальше отец всё объяснит лучше. Вместо этого я нашла на своём столе чистый лист и поняла, как мало мы успели: ребёнок снова вышел из комнаты с уверенностью, что его вещи собирались перевернуть, а два ключа были где-то в доме, который слишком велик для честного обещания найти их за минуту.

Ульма принесла зимние одеяла на пересчёт. Пока мы сверяли швы и ставили на каждом узелок нужного цвета, из коридора донёлся звон. Нокс стоял возле приоткрытой двери, раскачивая медное кольцо на пальце. Он наблюдал, как Ульма записывает количество одеял. Я не звала его войти. После трёх кругов кольцо соскользнуло; мальчик поймал его другой рукой.

— Арден говорит, если я сам не отдам, он сделает это за меня.

— Они у него? — спросила Ульма.

— Нет. Он просто так говорит всегда. — Нокс опустил руку. — Отец думает, что я прячусь за ним. Вчера Арден видел, как я взял связку, но не отобрал её, пока вы не вышли. Почему он тоже должен отвечать?

Ульма не пыталась заполнить его молчание выводами. Она ждала ответ на вопрос о ключах, а ребёнок спрашивал про брата. Я отложила карандаш, которым вела учёт, и повернулась к Ноксу.

— Ты не просил Ардена отвечать за тебя. Если он решит защищать тебя ложью, это его выбор, и ему придётся самому объяснить его отцу. Но решать, возвращать ли ключи, можешь только ты. Если ты боишься, что ими снова закроют Тея, скажи отцу именно это.

Нокс усмехнулся так зло, что на миг стал похож на уменьшенную копию Рагнара.

— Очень удачно. Вы бы сами ему сказали? Когда он возвращался раз в несколько дней и успевал прочитать только ваши тетради?

Я чувствовала под кожей вчерашнюю разбитую губу. Отвечать «теперь всё иначе» было бы дешево: сегодня Рагнар оставался в доме, а завтра мог снова отправиться в дозор. Пока он ещё только учился задавать детям вопросы без отчёта на столе.

— Раньше я не сказала ему правду о кладовой, — ответила я. — Теперь скажу то, что видела сама. Если хочешь, можешь говорить при Ульме и при мне. Но я не буду объяснять твой страх за тебя, не спросив сначала, как он устроен.

Он потеревил пустое кольцо, потом сунул его в карман.

— Я не боюсь за себя.

— Я слышала.

— Нет, вы не слышали. — Он упрямо качнул головой. — Вы говорили: когда Тей начнет рычать, Арден должен уйти, иначе он вырастет таким же. Это было самое плохое. Не цепочка. Его можно было потом согреть. А Арден стоял за дверью и слышал всё.

Я не знала, что на это сказать. Нокс произнёс обвинение без дрожи, словно долго носил его готовым и ждал редкой минуты, когда ему позволят довести фразу до конца. Ульма отошла к шкафу под предлогом поставить одеяла, оставив нам расстояние, но не оставив меня с мальчиком одну. Я была ей благодарна за это маленькое точное решение.

— Я не буду больше разлучать вас за то, что вы помогаете друг другу, — сказала я. — И если я не останусь учить вас, попроси об этом отца и того, кто придёт после меня. При Ульме. Она слышала.

— После вас придёт другая, — повторил Нокс, как будто проверил, правда ли я допускаю эту мысль. — Может, лучше другая.

— Может быть.

Он развернулся и ушёл. Ульма вернулась к столу. «Вы ему ничего не пообещали за ключи», — заметила она. Я ответила, что забрать ключи за обещание, которого не могу выполнить, было бы просто новым способом их отнять. Она кивнула и попросила меня записать

число одеял, пока сама принесёт свечи. Её деловая просьба пришлась к месту: если бы пришлось ещё несколько минут обсуждать добродетель своего ответа, я сама бы перестала ему верить.

Вечером Рагнар вывел сыновей во двор. После вьюги воздух стал таким чистым, что даже через закрытое окно я слышала хруст их шагов. Он показывал Ноксу, как держится снег над старой канавой: лошади туда нельзя, а маленькому волчонку кажется ровно. Нокс всё время переспрашивал не потому, что не понимал; ему нравилось, что отец отвечает. Арден шёл на полшага позади и придерживал Тея, который пытался ступать точно в след среднего брата. Я работала у окна северной комнаты. Ульма находилась рядом, так что приказ Рагнара я не нарушала, даже когда дети поднялись на крыльцо и прошли мимо нас. Нокс не посмотрел на меня. Впрочем, он не свернул и с пути, чтобы не оказаться возле двери, за которой я сидела.

После ужина я написала отчёт об одном занятии. На чистом листе не было удобных красных граф для «непослушания» и «исправления». Я указала время, присутствие Ульмы, карту, которую мальчики переделали сами, уход Нокса во время урока и пропажу ключей. Про брата, взявшего на себя вину, написала осторожно, не выдавая догадку за факт. «Арден сообщил, что взял ключи; Нокс позже сказал, что спрятал два из них. Их местонахождение мне неизвестно. Обыск не проводился». О собственном разговоре с Ноксом после обеда я добавила две строки без красивого вывода: он опасался, что братьев снова разлучат; я сказала, что не стану делать этого за заботу друг о друге. Прочитала лист ещё раз и убрала лишнюю фразу о том, что дети «стали свободнее». Один день такой вывод не выдержал бы.

Я отнесла лист в кабинет Рагнара при Ульме. Он сидел над хозяйственной книгой, на полях которой были записаны суммы и даты доставки. Письмо Совета лежало отдельно. Увидев нас, Рагнар отложил перо. Я не спрашивала, сможет ли он завтра дать мне ещё один урок; ему и так предстояло выбирать между незнакомой гувернанткой, которая задерживалась в дороге, и женщиной, в чьих тетрадах он вчера нашёл худшее из того, что сделал сам.

— Отчёт, — сказала я, оставляя лист на столе. — Ключей пока нет.

Он пробежал глазами первую половину. На второй задержался.

— Нокс говорил вам о раздельном сне?

— О том, что вы разлучали их по моим записям. Он сказал прямо. Попросите его повторить, если хотите услышать от него, а не от меня.

Рагнар положил лист рядом с письмом Совета. Из детской через стену долетел шум: кто-то сдвинул стул, кто-то спорил о том, чья очередь задувать лампу. Он слушал дольше, чем требовал мой ответ. Когда шум стих, он сказал Ульме, что завтра утром хочет видеть троих за общим столом. Тей может встать позже, если рука будет болеть. Разговор с Ноксом — без тетради и без меня. Это было маленькое изменение в расписании человека, привыкшего к приказам, и, возможно, куда более трудное, чем дать их.

На выходе из кабинета я увидела медное кольцо на подоконнике. К нему были привязаны два недостающих ключа. Никто не стоял рядом, чтобы принять благодарность или выслушать обещание. Я позвала Ульму, показала, где они лежат, и попросила её проверить замки перед сном. Потом мы обе пошли в разные стороны коридора: она — к шкафам, я — в комнату Миры, куда всё ещё возвращалась каждый вечер. За дверью детской Арден негромко ругался с Ноксом; младший отвечал ему вполне довольным голосом. Я не стала подслушивать, на чьей стороне сегодня победа.

Глава 4. Три ветви на серебре

У Рагнара оказался обыкновенный стол для завтрака. Накануне мне почему-то представлялось, что у северного альфы даже хлеб режут по приказу, а дети сидят перед ним по росту, как перед строевым смотром. Но я проходила мимо столовой вместе с Ульмой и увидела крошки на скатерти, миску с мёдом, к которой Нокс тянулся через чужую тарелку, и отца, державшего в одной руке раскрытое письмо, а другой отодвигавшего горячий чай от Тея. Арден сидел прямо. Младший ел с такой сосредоточенностью, словно каждую ложку проверяли. Только Нокс спорил о том, какую дорогу вчера нарисовали на карте: кузница, по его мнению, стояла ближе к старому мосту, а Арден упрямо утверждал, что мост уже не годится и искать его на зимней дороге незачем.

Ульма слегка коснулась моего локтя, предлагая идти дальше. Я и сама не собиралась входить. От одного моего появления за столом все трое могли бросить ложки; это была бы слишком высокая цена за право посмотреть, смеются ли они с отцом. Но Рагнар поднял голову, заметил нас и сказал Ульме, что Освальд ждёт её в лекарской комнате после завтрака. Имя лекаря прозвучало буднично, а вот рука, которой альфа прикрыл лежавший рядом с письмом лист, выдала другое. На листе я успела различить печать Совета. Нокс тоже увидел движение отца. Он перестал тянуться за мёдом, и в столовой опять стало тихо, как вчера, когда Рагнар позволил ему самому диктовать название перевала.

— Книги в северной комнате, — сказала я Ульме уже за поворотом. — Продолжу список, пока вы у Освальда.

— Без меня — нет. Господин разрешил работу при мне. Энна принесёт бельё, потом мы вместе пойдём. — Ульма оглянулась на столовую; её лицо осталось суровым, но голос смягчился. — Они первый раз за осень не пытались угадать, какой ответ порадует его за едой. Нокс всё равно лезет туда, куда не звали. Это хороший знак, хотя я бы ему не сказала.

Я могла бы пообещать, что не нарушу запрет, и получила бы в ответ привычное сухое «вот и хорошо». Вместо этого спросила, есть ли в доме образец лечебного ограничителя, который Освальд ставил на ребёнка раньше. Ульма остановилась. Вчерашние два ключа она повесила на крючок при мне, утром снова пересчитала; разговор о новой находке, похоже, она предпочла бы отложить до того, как снимет фартук и выпьет хоть чашку чая. Но ответила: в лекарской комнате должен быть старый образец, только Освальд хранит такие вещи закрытыми. Я попросила позволить мне присутствовать, если он будет сравнивать их. Ульма не сказала ни да, ни нет. Её согласие мало значило без Рагнара, а чужое серебро за три дня успело стать предметом, из-за которого в доме говорили тише обычного.

Освальд не позвал меня к себе до полудня. За это время Энна дважды принесла стопку рубашек, один раз вошла с лицом человека, только что услышавшего ссору и решившего не сообщать, чью. Мы с Ульмой составляли список изношенных вещей. Между двух страниц старого букваря выпала выцветшая тонкая лента с вышитой буквой «Т». Ульма узнала её сразу: мать мальчиков сама метила рубашки, чтобы младшие не спорили, чьи рукава длиннее. Она положила ленту на подоконник отдельно от книг, будто разбирать такие вещи при мне было неприлично. Я не спросила о женщине с портрета в галерее. Утренний стол и так напомнил, что у детей есть история до Мирры и до меня, к которой я пока не принадлежу.

Рагнар пришёл к концу второй стопки. Он не вошёл до тех пор, пока Ульма не подтвердила, что находится в комнате; это правило альфа установил сам и соблюдал, даже когда следить за ним было некому. На нём была рабочая куртка, испачканная белой пылью у рукавов. Во дворе снова разбирали ворота. За его спиной стоял пожилой худой человек с чернильными следами на пальцах. Он держал хозяйственную книгу под мышкой, так крепко, что переплёт изгибался.

— Герин принимает поставки, — сказал Рагнар. — Вы спрашивали, кто внёс ограничитель в дом. Он помнит часть заказа. Остальное мы сверим по журналу.

Герин поклонился скорее ему, чем нам. Листая книгу, он объяснил, что в середине осени получил от Миры записку на «учебные и лечебные принадлежности». К записке прилагался счёт, уплаченный из суммы на пособия. Поставщик привёз перья, две доски для письма и узкую серебряную цепь в отдельном конверте. Сама гувернантка приняла её в кабинете; он, управляющий, ребёнку ничего не надевал и не знал, что металл причиняет боль. На вопрос, кто доставил конверт, Герин задержался на месте, где обложка книги отходила от корешка.

— Обоз из Дрена. В книге стоит имя возчика, господин. Подпись на счёте — не его. Название мастерской было на обёртке, её сожгли с бумагой. Я не думал, что понадобится хранить всякий кусок упаковки.

— И я не думал, что придётся спрашивать о детском браслете как о грузе соли, — ответил Рагнар. — Покажите платёж.

Герин раскрыл разворот. Возле суммы за перья и дощечки стояла ещё одна: серебро и работа, почти вдвое дороже всего остального. Имя в графе было написано сокращённо — «маст. Ветвей». Я вспомнила метку на застёжке и почувствовала неприятное облегчение: улика наконец цеплялась за вещь, которую можно было спросить у живого человека. Но «Ветвей» могло означать название лавки, улицу, фамилию, знак целой гильдии. От того, что мы нашли строчку, ребёнку не становилось теплее в ту ночь.

— Кто утверждал платёж? — спросила я.

Герин посмотрел на Рагнара. Тот кивнул, позволяя ответить.

— Госпожа Ларен расписалась за получение. Деньги были отложены на её расходы; общий предел я не превысил. Освальд должен был поставить печать о применении. В журнале её нет. Я не догадался искать.

Мне хотелось попросить книгу и просмотреть каждую строку за четыре месяца, но она принадлежала дому, а я всё ещё числилась его недавней бедой. Я осталась у стола. Рагнар сам перевернул несколько страниц, отметил пальцем места, где Мира оплачивала бумагу, мел, нитки. Там было слишком много аккуратных мелких покупок и ни одной записи о ремонте книжной застёжки Тея. Почему-то эта глупая застёжка сильнее всего удерживала меня от превращения расследования в увлекательную игру: у ребёнка были обычные неудобства, которые никто не замечал, пока взрослые покупали дорогое серебро.

Рагнар закрыл книгу и попросил Герина найти извозчика. Не допрашивать во дворе на глазах прислуги, а выписать адрес и подтвердить, у кого тот забрал конверт. Управляющий ушёл, по дороге столкнулся с Энной и извинился перед ней, чего я, вероятно, не услышала бы ещё неделю назад. В комнате остались мы трое и лента с буквой «Т» на подоконнике. Альфа взял её двумя пальцами, узнал вышивку и опустил рядом с тетрадью Тея, которую Ульма вчера вернула мальчику: сейчас там лежала другая его вещь, короткий карандаш, забытый после урока.

— Освальд вас зовёт, — сказал Рагнар мне. — Я буду там. Ульма тоже.

Лекарская комната находилась не в холодном крыле, как я ожидала, а почти напротив детской. На полках стояли склянки с корнями, соли для ванн, связки чистых повязок. Окно выходило к той самой канаве, про которую отец рассказывал Ноксу. Освальд выставил на стол две цепочки. Одну, потемневшую после снятия с Тея, я узнала сразу. Вторая была короткой, на внутренней стороне застёжки имела маленький круг с датой и знак лечебницы. Лекарь не предлагал трогать обе вещи одновременно; он развернул перед нами два чистых листа, словно и без того боялся перепутать не металл, а то, что сумеет потом доказать.

— Это образец, которым пользуются после тяжёлого обращения, — объяснил он. — Не постоянно. Здесь серебро соединено с нитями, которые поддаются пульсу. Когда сердцебиение у ребёнка сильнее обычного, застёжка перестаёт сжимать поле. Иначе при испуге ограничитель

только усугубил бы приступ. Тот, что был на Тее, изготовлен похожим образом. Но на месте, где должен расходиться контакт, напаяна перемычка.

Рагнар нагнулся. Издали полоска припоя казалась случайным следом починки. Освальд налил в стеклянную чашу воду, добавил крупинку синей соли. Не мистическое пламя, не демонстрация для впечатлительной гостьи: на поверхности появились два слабых круга. Когда лекарь опустил правильный образец на край чаши, первый круг расширился и разошёлся. Возле Теева серебра синие линии стянулись к застёжке и так и остались, даже когда Освальд пошевелил звено тупым концом пера. Он повторил опыт на другой чаше и попросил Ульму посмотреть с места, где она стояла. Та сказала, что видит то же самое. Я тоже видела, хотя понятия не имела, по какому правилу вода повинуете металлу.

— На руке это делало ему хуже? — спросил Рагнар.

— Во время испуга — вероятнее всего. По одной чаше я не измерю силу боли в ту ночь. Кожа натёрта механически, следы от давления есть. Я не подписывал настройку этой цепи. Стандартной лечебной вещью она перестала быть после пайки. — Освальд приложил к своему образцу печать. — Покажу Совету и оба листа, и запись об осмотре. Только не называйте опыт доказательством того, кто это сделал. Ведро воды не узнаёт мастера в лицо.

Рагнар смотрел на перемычку неподвижно. Я слышала, как за дверью пробежали дети, как Нокс назвал младшего медведем за медленную походку и получил в ответ короткое рычание, настоящее, сердитое. Ульма дёрнулась к двери по старой привычке пресечь шум; остановилась, когда поняла, что никто не заперт и лекарь не против. Мне в этой комнате было трудно дышать не из-за серебра. Освальд говорил точно, отмеряя «вероятнее всего», «по записи», «не знаю», а я всё время видела голую руку Тея, которую он боялся вынуть из рукава.

— Мастерская «Три ветви»? — спросила я, указав на метку.

— Нет, — сказал Освальд. — Или не обязательно. Такой знак ставит цех серебряников в Дрене, когда изделие принято на переплавку. Каждая лавка добавляет свою точку или зарубку. Здесь часть линии скрыта припоем. Если отыщем старый счёт, поймём, кто принял заказ. Если кто-то скопировал цеховой знак, одного клейма мало даже для этого.

Рагнар повернулся ко мне.

— Вы заметили припой сразу после удара головой. Откуда знали, на что смотреть?

Вопрос был справедлив. Я вспомнила, как утром завернула цепь в салфетку, как просила расписку. У Алисы дома был опыт работы с браслетами пациентов — совсем не с магическими: пластмассовый замок, дата, подпись дежурной медсестры, ошибка в одной букве, которая становилась чужой историей болезни. Но рассказать это, не сказав об ином мире, я не могла. И всё же не хотела позволять ему думать, что знала секрет Миры и лишь теперь выбираю удобное время его выдать.

— Я увидела свежий след рядом с застёжкой и спросила того, кто знает больше, — ответила я. — Вчера я не понимала, как должна работать эта цепь. Сегодня после объяснения понимаю не всё. Вы можете проверить: Освальд не видел её у меня до утреннего осмотра.

Рагнар не произнёс привычного «ясно». Его взгляд задержался на моих руках, на бумажном списке с зажатым между пальцами карандашом. Я вдруг осознала, что слишком крепко сжала его; ноготь оставил в древесине белую вмятину. Альфа отвернулся к лекарю и попросил отложить обе цепи для независимого осмотра, с именами тех, кто присутствовал при опыте. Мне стало легче и стыднее одновременно: он не верил мне, но уже не сводил каждое моё слово к игре в раскаяние.

Когда мы вышли из лекарской, Арден стоял в коридоре с той самой картой. На ней ещё виднелся жирный крест возле конюшни. Он пришёл не за мной и, увидев меня, намеренно встал возле отца. Нокс и Тей маячили у дальней двери. Арден сообщил, что старую дорогу они перечеркнули слишком сильно и теперь не могут прочесть название переправы; для настоящего пути его следовало восстановить. Рагнар забрал карту и сказал, что вечером возьмёт её к

себе. Не похвалил мальчика за прилежание, не стал смотреть на меня, чтобы я оценила удачный учебный приём. Он просто спросил, где Арден хотел бы нанести новую линию. Тот показал место, где бумага истончилась от ластика, и отец предложил подклеить лист, а не заставлять переписывать всё начисто.

Нокс наблюдал с расстояния, в котором было удобно в любую секунду уйти. На мне он задержал взгляд не дольше мгновения, зато заметил, что Освальд уносит за пазухой два конверта с серебром. Его плечи стали жёсткими. Я сказала Ульме, что вернусь в северную комнату; мальчикам не пришлось выяснять, зачем женщина, из-за которой младший боялся браслета, опять была рядом с лекарем. Возможно, следовало ответить Ноксу самому. Но он не спросил. Право не рассказывать тоже легко превратить в повод пройти мимо неприятного разговора, и я запомнила это на вечер.

В списках учебных пособий нашлись пропуски. Не те, о которых сообщили бы писцы Совета: бумага была на месте, страницы пронумерованы, переплёт цел. Мира делала записи о каждом «упражнении послушания» и каждую неделю ставила под итогами свою аккуратную подпись. Но за три дня перед первым снегом подписи не было ни разу. Вместо отдельных занятий значилось «повторение прежнего», а под строками оставались чистые широкие полосы, хотя перо выводило остальные буквы без дрожи. Ульма просматривала соседнюю тетрадь и сперва не поверила, что я говорю о пробеле: в доме слишком много бед началось с того, что взрослые считали пустоту достаточным доказательством.

— Может, заболела, — сказала она. — Или уехала в Дрен за новой бумагой.

— Проверьте по списку приёмов пищи. И по журналу Герина. Мне нельзя даже утверждать, что в эти дни занятия были. — Я подвинула ей лист с датами, не задевая её записи. — Но если Совет спросит, отчего нет отчётов, ответ «она была занята» нас не спасёт.

Ульма приложила палец к третьему числу и вспомнила: в тот день Мира отправляла детей спать по разным комнатам, потому что Нокс спрятал тетрадь младшего. Записи о наказании не было. На следующий день она заставила Ардена обедать отдельно, а Рагнар получил от неё короткое сообщение, что старший «лучше поддаётся воспитанию». Ульма знала это не из бумаг: она сама переносила миски. Сколько раз за четыре месяца её память помогала Мире писать только то, что не могло повредить гувернантке, я не спрашивала. Выражение лица Ульмы говорило, что она уже задаёт себе тот же вопрос.

Мы составили не обвинение, а перечень дат и людей, которых можно опросить. Энна видела, где стояли подносы; Герин знал, была ли закупка; Ардена нельзя было заставлять подтверждать взрослые догадки, если он не хотел. К вечеру у меня перед глазами расплывались цифры. Я отложила перо, как обещала Освальду, и некоторое время сидела, слушая, как Ульма штопает воротник. Затем вошёл Рагнар. Он принёс старый счёт с переправы: возчик был уже на обратной дороге в Дрен, а письмо мастерской отправят с ним, если он не задержится в снегу. Я показала пробелы. Альфа просмотрел две тетради, не сразу заметив, чего в них нет; потом попросил меня оставить лист с датами ему.

— Ульма говорит, они спали порознь, а у вас ничего не записано, — сказал он.

— Не у меня. У Миров.

Я произнесла это прежде, чем успела обдумать. Рагнар поднял глаза. В комнате стало слышно, как Энна топит печь в соседнем помещении. Я не могла взять слова обратно, хотя в его представлении именно я сидела перед ним в те дни, писала и вымарывала. Ульма, к счастью, не бросилась объяснять за меня удар головой.

— Сейчас вы говорите о себе так, будто эта женщина вам чужая, — сказал Рагнар.

— Когда читаю её записи — да. Для ваших сыновей у меня её лицо. Я это помню.

Он долго держал страницу открытой. На рукаве у него ещё была белая пыль, въевшаяся в шов после работы у ворот. Потом Рагнар сложил тетради и сказал, что утром поговорит с Ульмой отдельно, а мои выписки Освальд проверит до того, как их увидит Совет. Он не

спросил, кем я себя считаю. Его интересовали пропущенные дни, дети и серебро. Меня — тоже; странность собственного ответа подождёт, потому что я сама пока не умела назвать её словами, которым можно поверить.

У двери я столкнулась с Ноксом. Он нёс под мышкой подклеенную карту; из неё торчал кусочек грубой серой бумаги, явно взятой в конюшне. Рагнар позвал сына войти, и Нокс прошёл мимо меня так близко, что я почувствовала запах холодного воздуха в его волосах. Перед самым порогом он вдруг остановился.

— Вы снова смотрели железку Тея?

— Освальд сравнил её с другой. Она была испорчена. Теперь он держит её у себя, к вашему брату она не вернётся.

Нокс прищурился. Легко было обещать «никогда»; труднее следить, чтобы никто не принёс новую цепь под другой печатью. Я добавила, что Освальд записал, чем именно она отличается, и Рагнар видел опыт сам. Мальчик перевёл взгляд на отца, стоявшего за столом. Тот подтвердил без смягчающих слов: «Я видел. На его руку серебро больше не наденут». Нокс крепче прижал карту к боку. Не сказал спасибо и не спросил про остальные браслеты. Он просто вошёл в кабинет, где отец уже приготовил клей для рваного края листа; мне пришлось отступить, чтобы мальчик мог закрыть дверь сам.

Глава 5. Не зовите его зверем

Нокс пришёл в северную комнату за картой, пока мы с Ульмой укладывали в ящик зимние перчатки. Он остановился на пороге, прежде чем я успела увидеть его лицо, и попросил не передавать отцу, что сам искал дорогу к восточной сторожке. Рагнар, по словам Нокса, обещал взять его после полудня к кузнице; мальчик хотел заранее выяснить, сколько раз придётся пересекать ручей, чтобы в пути не спрашивать. Я сказала, что карта у отца. Нокс прикусил губу, точно я поймала его на слишком детском желании встретиться с ним. Потом спросил, откуда я знаю, какая карта ему нужна.

— Ты держал её под мышкой, когда спросил о браслете, — сказала я. — Она была подклеена серой бумагой. Больше ничего про неё я не знаю.

— Она теперь у отца, — буркнул он, как будто сообщал плохую новость. — Он опять должен уехать на несколько дней. Кто тогда покажет кузницу?

Я не знала, было ли это объявлено мальчикам или Нокс услышал разговор взрослых. Ответить «он обязательно найдёт время» не позволяла даже Ульма, замершая над перчатками. Рагнар действительно мог отправиться в дозор; северные дороги не исчезали, когда у его сыновей появлялись дела. Я сказала, что он сегодня обещал пойти к кузнице и лучше спросить его самого о поездке, пока день ещё не кончился. Нокс посмотрел на меня так, словно я возвращаю ему не вопрос, а тяжёлый свёрток, который он надеялся оставить у двери. Ушёл без карты. Через несколько минут в коридоре застучали его каблуки: он бежал к отцовскому кабинету.

Ульма отложила перчатки: во дворе прибыл человек из Совета. Его экипаж пробрался нижней дорогой раньше остальных. Предупредительная записка лежала у привратника с утра, но никто не верил, что по такому снегу можно доехать. Гость привёз с собой узкий дорожный сундук, папку и право опрашивать людей до начала слушания. Ульма знала его имя по прошлой проверке — секретарь Лерд. Она произнесла его без особого страха, но немедленно стала складывать перчатки ровнее. Я попросила не менять из-за него детскую комнату к вечеру. В ответ Ульма спросила, когда это она перемещала детские кровати ради приезжих. Возразить было нечего; я ещё плохо различала, где её привычка к порядку защищает мальчиков, а где однажды уже защитила Миру.

Рагнар велел мне оставаться при Ульме до конца приёма гостя. Он не называл это наказанием и не скрывал причины: Лерд должен был получить подлинные отчёты гувернантки, в которых прежде значилось моё имя. Если я буду стоять за его плечом и поправлять его ответы, всякая проверка превратится в спор о том, умеет ли хозяйский слуга разговаривать без подделки. Освальд уже подготовил свои записи об осмотре Тея; Герин искал старый счёт. Я спросила, кто поговорит с детьми. «Я сам», — сказал Рагнар и замолчал, увидев, как у меня на лице что-то изменилось. Вероятно, я слишком явно вспомнила Ардена, который соглашался принять вину раньше вопроса.

— Вы слышали, как Нокс рассказал мне о раздельном сне, — сказала я. — Не заставляйте его сейчас повторять при секретаре.

— Я не собираюсь использовать своих сыновей вместо документов.

Он стоял близко, потому что у нас обоих был узкий проход между двумя ящиками. На шее, над воротом рабочей рубашки, белел старый рубец, продолжение шрама под ухом. Я до странности ясно заметила его и в ту же секунду рассердилась на себя: находить мужчину красивым рядом с ящиком детских вещей было неудобно и неуместно, особенно мужчину, который не обязан был мне верить. Рагнар отодвинул один из ящиков ногой, освобождая путь. Сделал это без нажима, и я вдруг поняла, что держала дыхание, ожидая приказа. Он тоже заметил. Ничего не сказал и вышел первым.

До полудня мы успели закончить перчатки, раздать чистое бельё Энне и вернуть Тее починенный футляр для дощечки. Я попросила Ульму отнести его сама; она вернулась с известием, что младший долго проверял новую застёжку, прежде чем положить внутрь мел. Из столовой доносились голоса мужчин. Лерд говорил громко, с певучим дренацким выговором; когда Рагнар отвечал, звуки становились тише. На дворе принялись разгружать привезённые бумаги. У меня болела голова после работы со списками, и я вышла с Ульмой к боковой двери, чтобы помочь Энне занести два мешка с сухими травами в лекарскую. Рагнар разрешил мне работать рядом с ней; запрет на самостоятельный разговор с детьми по-прежнему действовал, хотя в доме уже все знали, что вчера Нокс сам остановил меня в коридоре.

Нокс стоял возле конюшни. Рядом Арден держал Тея за ворот, чтобы тот не ступил на обледелый край колеи. Мальчики смотрели, как двое возчиков снимают ящик с экипажа Совета. Рагнар обещал Ноксу дорогу к кузнице после обеда; до неё оставалось чуть больше часа. Средний брат то разворачивался к конюшне, то снова смотрел на дверь столовой. Видимо, он всё же спросил отца про дозор и теперь ждал ответа. Я решила пройти мимо, не вмешиваясь: у Тея уже была тёплая повязка, на Ноксе не было серебра, Арден не собирался спорить со взрослыми за чужой груз.

Лерд вышел из столовой с раскрытой папкой. На нём был серый дорожный плащ с мехом на плечах; краешек рукава не доставал до перчатки, открывая красную полосу старого ожога. Рагнар шёл следом, разговаривая с возчиком о том, где оставить лошадей. Секретарь остановился у ящика, заметил детей и спросил, какой из мальчиков Арден. Старший назвал себя. Лерд поклонился ему легко, как маленькому взрослому, затем обратился к Ноксу по имени, которого ему не представляли. Значит, успел прочесть тетради Миры. Нокс выпрямился; Арден незаметно придвинул к себе младшего.

— У тебя в отчётах немало находок, — сказал Лерд, перебирая страницы. — Пропавшие ключи, книги, которые пришлось искать всему дому. Секретарю Совета полагается знать, где хранятся бумаги перед слушанием. Ты хоть нашу папку не спрячешь?

Возчики за его спиной переглянулись. Нокс вскинул подбородок.

— Ваших бумаг я не трогал.

— Вот и договорились. А младший где? — Лерд перевёл взгляд на Тея. — Госпожа Ларен писала, что он плохо удерживает человеческий вид. В дороге я беспокоился: подойти к вам без предупреждения или сначала послать слугу? Такие вещи лучше учитывать заранее.

Рагнар уже повернулся к нему. В его лице не было громкой ярости; стало даже слишком спокойно. Но Нокс заговорил раньше отца. Он сказал, что Тей удерживает всё как следует и никому из чужих не нужно подходить к нему. Лерд, видимо, счёл ответ подтверждением строптивости из записей, потому что положил ладонь Ноксу на плечо и произнёс негромко, но в тишине двора услышали все: «Ты можешь не защищать его от каждого вопроса, мальчик. Проверяют ведь и тебя». Нокс вывернулся так резко, что край плаща скользнул по его щеке.

Я увидела уши прежде, чем поняла, что он обращается. Из волос поднялись тёмные острые треугольники; Нокс схватился за ворот, попытался заговорить, но звук сломался. Сюртук соскользнул на снег. Перед возчиками стоял уже небольшой тёмный волк с белым пятном на груди, и только взгляд оставался Ноксовым — злым оттого, что на него смотрят. Тей вцепился в рукав Ардена. Возле конюшни началось то опасное движение толпы, когда каждому кажется, что он ещё стоит на месте. Рагнар велел отойти. Лерд поднял руки, показывая, что ничего не делал. Волчонок сбил корзину с травой и исчез за колодезцем.

Серебряная петля висела у одного из конюхов на связке дорожных принадлежностей. Он, кажется, взял её для лошадиных упряжей, не для мальчика, но увидев бегущего волчонка, потянулся к ней почти машинально. Я перехватила его запястье. Не сильно, только остановила руку, и сама испугалась, насколько холодными стали мои пальцы.

— Уберите это, — сказала я. — Освальд запретил серебро детям. Позовите его и оставьте проход к конюшне свободным.

Конюх поглядел на Рагнара, а не на меня. Тот кивнул и велел двоим отвести экипаж в дальний двор. Лерд открыл рот, чтобы напомнить о своих полномочиях, но альфа повернулся к нему: «Вы уже видели, что хотели. Запишите и своё прикосновение. Потом поговорим». Секретарь не ответил. Его улыбки больше не было. Рагнар обратился к Ардену: отведи Тея в дом с Ульмой. Старший хотел пойти за Ноксом; я узнала это по тому, как он держал плечи, ещё до его просьбы.

— Я найду его, — сказал Рагнар. — Сейчас тебе нужно быть с младшим. Позже, если Нокс захочет, войдёшь к нему сам.

Арден не возразил и от этого показался мне ещё меньше, чем вчера за столом. Он держал Тея за руку, пока Ульма не накрыла обоих своим большим платком от снега. Младший оглядывался на колодец. На повреждённой руке белела чистая повязка, и мне хотелось сказать ему, что Ноксу не будет больно от цепи. Но слова, произнесённые при чужом человеке, превратились бы в ещё одно зрелище. Я помогла Энне поднять рассыпавшуюся траву, а взгляд держала на Рагнаре: он двигался к колодцу медленно, обходя обледевшую колею не потому, что боялся поскользнуться.

За колодцем начинался проход между сараем и конюшней, узкий, пахнувший мокрым сеном. Нокс свернулся в углу у стены. Пока мы обходили колодец, он успел отчасти вернуться: на плечах перекрутилась рубашка, волчья шерсть осталась на руках и шее. Лицо ещё менялось, уши слышали каждый шаг с улицы. Глаза следили за отцом. Я остановилась позади Рагнара, рядом с Ульмой, которая вернулась, едва устроила Ардена и Тея у Энны. Условие моего присутствия было соблюдено; к Ноксу я не приближалась.

— Я не поведу тебя к секретарю, — сказал Рагнар сыну. — Здесь холодно. Можешь пойти со мной через конюшню или остаться, пока я принесу покрывало.

Нокс отвернулся. На острых ушах темнели капли растаявшего снега. Рагнар сел прямо на низкий ящик с пустыми подковами, который давно следовало занести под крышу. Стены сарая укрывали их от ветра; в углу было ещё холодно, но отец не стал загонять ребёнка к двери ради собственного удобства. Я попросила Ульму послать за Освальдом и тёплой вещью. Она посмотрела на Рагнара, получила короткий знак и ушла. Мы остались втроём — я при открытом проходе, Нокс у стены, Рагнар между нами. Сложнее всего оказалось молчать. Алиса на Земле могла предложить ребёнку стакан воды, сказать привычное «дыши со мной», отвлечь от переполненного коридора больницы. Здесь мальчик понимал слово «обращение» лучше меня, а рядом сидел отец, которому прежде не позволяли видеть эту сторону страха.

Нокс облизнул губу, там мелькнули острые зубы. Он явно проверял, смогу ли я смотреть, не отводя глаз. Я заметила на снегу у его ладони кусочек медного кольца — того, на котором недавно вернулись ключи; видимо, принёс его в кармане, как и всё, что хотелось держать при себе. Когда Нокс слышал с улицы голос Лерда, плечи снова передёрнулись. Рагнар тихо сказал, что секретарь не войдёт. Потом рассказал про старого мерина из конюшни: тот в прошлую зиму выбрал себе стойло у двери и отказывался переходить в тёплое, даже когда его уговаривали сахаром. Нокс фыркнул, не то презрительно, не то от неверия, и отец перечислил, сколько раз пришлось менять замёрзшую воду у этого упряма, прежде чем мерин сам пошёл вслед за другим конём. История была не смешной и ни к чему явно не подводила. Похоже, поэтому мальчик дослушал.

— Я не собирался его кусать, — сказал Нокс наконец. Слова давались ему неровно, звуки ломались на середине. — Он сам взял меня.

— Я видел, — ответил отец.

— Все видели.

Рагнар выждал. Он мог объяснить, что люди забудут, но даже я знала: Лерд приехал сюда именно за фактами, которые не забывают до слушания. Отец сказал, что секретарь запишет произошедшее, а он потребует добавить туда весь разговор и имена тех, кто стоял рядом. Нокс хмыкнул, словно взрослые снова собирались победить друг друга бумагой. Это было похоже на правду. И всё же кроме бумаги у них пока не было способа спорить с Советом без детей вместо свидетелей.

Ульма вернулась с Освальдом и тёмным шерстяным покрывалом. Лекарь остался у входа, осмотрел Нокса с расстояния и сказал, что без тяжёлого серебра обратный ход займёт время; нужно держать его в тепле, не касаясь, если не просит. Он принёс в чашке воду с несколькими каплями настоя, от которого пахло сухими яблоками. Нокс назвал это лекарством для малышей и отвёл лицо. «Обычная вода», — ответил Освальд. «Я добавил яблоко, потому что ты не любишь вкус из моей фляги». Мальчик вдруг смутился от того, что лекарь помнит мелочь про него, и прикрыл голову руками. Рагнар поставил чашку на ящик. Не заставил пить.

Прежде чем я успела подумать, чем ещё можно помочь, Нокс повернул голову ко мне. Изменившееся лицо всё равно оставалось его лицом: недовольным, слишком внимательным, готовым ударить словом раньше, чем его ранят. Он смотрел на мои пустые руки.

— Железку не принесли?

— Нет. Серебро убрали, — сказала я. — Я видела, куда конюх повесил петлю. Освальд здесь.

— Он говорил, что не было больно, — произнёс Нокс. Я не сразу поняла, о ком он. — Про Тея. Господин Лерд сказал, в бумагах всё написано правильно. Значит, там есть и про него.

Освальд сел рядом с Ульмой на пороге конюшни, чтобы ответить самому: в его записи сказано, что у Тея болела рука, кожа была повреждена, лечебной печати на ограничителе не было. Он не позволил секретарю заменить свой осмотр словами старой гувернантки. Нокс сделал вид, будто проверяет, не отошла ли доска от стены. У него уже исчезала шерсть на кистях, но уши оставались, и от этого он злился ещё сильнее. Я не предлагала ему «успокоиться». Вопрос о бумагах имел ответ; ответ не обязан был немедленно вернуть ему человеческий вид.

Рагнар протянул покрывало краем вперёд, чтобы Нокс взял его сам. Мальчик помедлил, потом вытянул руку. Движение получилось неловким: один палец был длиннее остальных, коготь цеплялся за шерстяную нить. Отец не потянул вещь к себе. Когда Нокс накинул её на плечи, Рагнар поднялся с ящика и предложил идти в дом через заднюю дверь. Они прошли мимо меня. Нокс заметил медное кольцо на снегу, поднял его и сунул в карман. Ни один из нас не сказал, что пора забыть случившееся. Вечером к этому месту придёт рабочий убирать снег, увидит следы мальчика и отцовских сапог; двор не станет прежним от нашего молчания.

Лерд ждал в кабинете. Его записи занимали полстраницы, и, когда Рагнар вошёл, секретарь как раз подсушивал чернила песком. Я осталась у порога при Ульме и Освальде; мальчика повели в детскую другим проходом. Лерд заметил нас троих, провёл рукой по плащу и сказал, что сожалеет о происшествии. Он не стал уточнять, о чём именно: о своей ладони на детском плече, о звериных ушах или о том, что столько людей оказалось рядом. Рагнар попросил прочитать запись вслух. В ней значилось, что средний наследник внезапно утратил контроль над обращением при встрече с представителем Совета, убежал и некоторое время не возвращался к человеческому облику.

— Добавьте, что я перед этим задал ему вопрос о пропажах, — сказал Лерд сам, не дожидаясь возражения. — Я не стану скрывать слова.

— И о младшем. И о том, что вы схватили Нокса за плечо после его просьбы не подходить к Тее, — уточнил Рагнар. — Зачем вы тронули его?

Секретарь положил перо.

— Он не просил не трогать себя. Я хотел прервать перепалку, пока она не стала публичной. Я недооценил, как он воспринимает записи о брате. Если считаете нужным, это тоже войдёт в отчёт.

Мне не понравилось, как легко он выбрал слово «воспринимает», будто у Нокса была лишь личная чувствительность, а не причина злиться. Но Лерд не отрицал прикосновения и даже называл его ошибкой. Это не делало его безопасным; с человеком, который умеет признавать часть вины, труднее спорить, чем с карикатурным негодяем. Освальд изложил свои медицинские наблюдения и не сказал, что Нокс «выздоровел». Ульма назвала людей, которые стояли у конюшни. Рагнар попросил у секретаря копию записи сразу, с отметкой, что она сделана до слушания. Копию он отдал Герину, оригинал остался у гостя.

Я ушла прежде, чем мужчины начали обсуждать сроки прибытия Совета. Во дворе ещё стояли возчики, и одному из них уже казалось, что он видел больше остальных. У северной комнаты ждала Энна с рубашкой Нокса в руках. Сюртук упал во дворе, а рубашку Нокс порвал у плеча, возвращаясь к человеческому облику; Энна принесла её на починку. Я осмотрела шов. Там остались четыре неровные нитки и тёмная полоска грязи от стены сарая. Пока я выбирала подходящую иглу, Энна робко спросила, не следует ли теперь прятать серебро и от Нокса. Она не имела в виду наказание — в доме были ложки, застёжки, пуговицы, всё, чего прежде никто не считал опасным.

— Спросим Освальда, — ответила я. — Он различает лечебную вещь и обычную ложку. Я такого права себе не дам.

Энна кивнула. Она пришивала оторванный край вместе со мной, и некоторое время мы обе делали вид, будто заняты только ниткой. Потом она рассказала, что в день пропажи из тетради Тея двух страниц Мира велела Ноксу сидеть в проходе и сообщать, кто заходил к младшему. Он отказался и позже спрятал бумажный нож. В журнале это значилось кражей. Энна не знала, рассказал ли Нокс об этом отцу; она боялась, что если я запишу её слова как показания, секретарь потребует повторить перед всеми. Я сказала, что не стану оформлять её память без её согласия, но показала пропуск в тетради и спросила дату. Она назвала число, одно из трёх оставленных Мирой пустыми. Я записала его у себя и не поставила напротив имени Энны ничего, кроме вопросительного знака.

К вечеру Рагнар вернулся в северную комнату за рубашкой. Он увидел, что Энна сидит со мной и Ульмой, а не исчезает при первом шаге хозяина. Взял ткань, проверил шов пальцем. Его руки пахли лошадиной сбруей и холодным железом. Я сказала о рассказе Энны только то, что могла подтвердить по книге: один из пропущенных дней связан с исчезновением страниц в тетради Тея, но кто их изъял, мы ещё не знаем. Рагнар поблагодарил Энну за починку; она так растерялась, что уколола себя иглой, хотя дело было закончено.

— Нокс считает, что подвёл меня, — сказал он, когда Энна ушла. — Не из-за Лерда. Я обещал кузницу, а он думает, будто я не пошёл из-за его обращения.

— Вы и правда не пошли, — ответила я.

Ульма подняла голову от работы, но не вмешалась. Рагнар посмотрел на рубашку, словно искал на ней ответ, который не требовал моего присутствия.

— Путь не расчищен до конца. И ему нужно отдохнуть. Я объяснил. Он не поверил.

— Потому что утром он спрашивал, скоро ли вы снова уедете. Ему нужна была не кузница сама по себе. — Я услышала, что слишком уверенно говорю о чужом ребёнке, и поправилась: — Он пришёл искать карту и сказал про ваш дозор. Остальное пусть объяснит сам, если захочет.

Рагнар сжал рубашку за ворот так, что ткань собралась у пальцев, затем расправил её и спросил, обедал ли Нокс. Ульма сказала, что ел в детской с братьями. Тея попросил у него показать, куда делись уши, а Арден приказал младшему не задавать глупых вопросов. Нокс обиделся на старшего, потом сам показал Тее волосы за ушами. Все трое ещё спорили об этом,

когда Ульма выходила. Отец слушал, опустив взгляд. Я не могла понять, радуется он или ему больно слышать о разговоре, в котором он не участвовал. Возможно, оба чувства уместились в одном лице.

— Завтра на нижней дороге будет проезд, — сказал Рагнар. — Приедет новая гувернантка из Дрена. Совет вслед за ней. Я не могу обещать Ноксу, что не уеду в дозор после слушания. Но завтра отведу его в конюшню, покажу место для привала. Если он согласится идти со мной.

— Позовите сами, — сказала я. — Не через расписание и не через мою тетрадь.

Он встретился со мной глазами, и на миг мне показалось, что ответит резкостью: я опять говорила, как отцу обращаться с сыном, хотя своё право учить его заслужила за один плохой и один чуть лучший урок. Вместо этого Рагнар сказал, что именно так и собирался поступить. Потом попросил Ульму подать ужин детям без Лерда. Это было не освобождение их от скорого приезда Совета; всего лишь один вечер, который не стоило отдавать человеку с папкой. Я смотрела, как альфа уносит рубашку и закрывает за собой дверь, и не придумала ничего остроумного про северные приказы. В этой комнате и без того осталось слишком много недосказанного.

Глава 6. Первое слушание

Эсма Ренн приехала с чемоданом, у которого отвалилась ручка. Возчик внёс его в прихожую за металлические углы, поставил возле галошницы и принялся уверять, что ручка была сломана ещё в Дрене. Эсма не спорила: достала из кармана перчатку, завернула в неё острый обломок и попросила сначала показать, где можно умыться. Ей было около сорока, светлая коса затянута туго, лицо усталое после дороги. Она сняла промокшие ботинки, чтобы не наследить, и спросила Ульму, сколько ступеней до комнаты. Та на минуту потеряла привычную настороженность.

Я видела приезд из северной комнаты при открытой двери. Рагнар попросил меня оставаться рядом с Ульмой, пока гостя не получит объяснения о старых записях; Эсма имела право решить, что никакие условия службы не стоят разговора с человеком, на чьё место она пришла. Мне хотелось уйти заранее. Но тетради Миры и запечатанное серебро оставались здесь; моё исчезновение ничего бы не изменило. Я помогла Энне найти полотенце и ждала, когда Рагнар пригласит меня. Сверху донёсся глухой стук: мальчики передвигали кровать Тея к окну. Отцу они сказали, что так светлее рисовать. Ульма подозревала, что им просто хотелось проверить, можно ли теперь переставлять мебель, не получая наказания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.